

ковским кандидатскую диссертацию «Ранний русский сентиментализм». С тех пор вся научная деятельность Любови Ивановны была посвящена изучению русской литературы XVIII века.

В 1947 г. вышел IV том десятитомной академической истории русской литературы,¹ в котором Кулаковой были подготовлены главы о Княжнине, Хераскове, Богдановиче, Львове, Нелединском-Мелецком, Муравьеве. Основные черты творческого облика исследовательницы прекрасно проявились в этой работе: безукоризненное знание материала, четкость и строгость изложения, темперамент и живое, одухотворенное, человеческое отношение к писателям, которые становились для Любови Ивановны объектом исследования.

Монографические очерки в «Истории русской литературы», являясь, с одной стороны, итогом всей предшествующей деятельности Л. И. Кулаковой, намечали в то же время перспективы ее дальнейших научных занятий. Так, на протяжении всей своей жизни она очень много внимания уделяет изучению творчества Я. Б. Княжнина. В 1951 г. она написала о Княжнине небольшую книгу,² а в 1959 — обширную статью.³ В этих работах было уточнено представление о классицизме Княжнина, об отношении его к идее просвещенного абсолютизма. Включаясь в многолетний спор о политическом содержании трагедии «Вадим», исследовательница аргументированно рассматривает эту пьесу как антидеспотическое произведение, поскольку Княжнин последовательно подчеркивает превосходство свободолюбца Вадима над идеальным монархом Руриком. Естественным итогом многолетнего изучения творчества знаменитого драматурга явилось издание его избранных произведений.⁴ Л. И. Кулакова подготовила и прокомментировала тексты и написала вступительную статью. Несомненной ее заслугой явился беспристрастный, объективный анализ одного из загадочнейших эпизодов литературного быта XVIII в.: ожесточенной ссоры и непримиримой вражды Я. Б. Княжнина и И. А. Крылова.⁵ Самое же главное заключалось в том, что после перерыва в 113 лет читатели и исследователи получили пускай избранное, но собрание сочинений Княжнина, впервые изданное на уровне современных научных требований.

Однако этой фундаментальной работе не суждено было оказаться последним обращением Л. И. Кулаковой к любимому автору. За год до смерти ею был опубликован текст доселе неизвестной сатирической поэмы Княжнина «Бой стихотворцев».⁶ Эта публикация далеко выходит за рамки простого сообщения о новом тексте известного писателя (что и само по себе было очень важно). Благодаря комментарию поэма Княжнина оказалась отлично вписанной в литературную обстановку середины 60-х годов XVIII в. Можно думать, что значение поэмы Княжнина не исчерпывается хронологическими рамками полемики 1760-х годов. Княжнин впервые в русской литературе изобразил определенный литературный кружок в виде скопища бездарных графоманов во главе с тупым и старым учителем (И. П. Елагиним). Спустя почти 50 лет В. Л. Пушкин (послание «К В. А. Жуковскому») и К. Н. Батюшков («Певец в Беседе любителей русского слова») в остроумных сатирах тоже показали руководителя литературного кружка — «славенофила» А. С. Шишкова. Вполне вероятно, что и Батюшков, и В. Пушкин знали

¹ История русской литературы, т. IV. М.—Л., 1947.

² Л. И. Кулакова. Я. Б. Княжнин. — В кн.: Русские драматурги. Научно-популярные очерки. М.—Л., 1951.

³ Л. И. Кулакова. Я. Б. Княжнин (1740—1791). — В кн.: Русские драматурги XVIII—XIX вв., т. 1. М.—Л., 1959.

⁴ Я. Б. Княжнин. Избранные произведения. Л., 1961. (Библиотека поэта. Большая серия).

⁵ Там же, стр. 13.

⁶ Л. И. Кулакова. Неизданная поэма Я. Б. Княжнина. — В кн.: Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 414, Л., 1971.